

ЛИТВА И РУСЬ В ЭПОХУ КОНСТАНЦСКОГО СОБОРА: ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ ЦЕРКОВНОЙ УНИИ

ЮРИЙ АФАНАСЕНКО

Аннотация: В указанной статье, на основе некоторых документов эпохи Констанцского собора, рассмотрены обстоятельства, связанные с посольством православных иерархов во главе с митрополитом Григорием Цамблаком на данный собор. Дается краткий текстуальный анализ данных документов. Делается попытка выяснения уникальных намерений как правителей Великого Княжества Литовского и Польского Королевства, так и православной делегации.

Ключевые слова: Великое Княжество Литовское, Киевская митрополия, Констанцкий собор, Католическая церковь, церковная уния.

LITHUANIA AND RUS' AT THE TIME OF THE COUNCIL OF CONSTANCE: THE FIRST ATTEMPTS OF CHURCH UNION

Abstract: The article, which is based on the documents from the Council of Constance, describes the circumstances of the Orthodox hierarchs legation to the Council headed by Metropolitan Gregory Tsamblak. The article gives a brief textual analysis of these documents. It attempts to clarify the union intentions of the Grand Duchy of Lithuania and the Kingdom of Poland, as well as the Orthodox delegation.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, Kiev Metropolitanate, Council of Constance, Catholic Church, Church Union.

Участие польского короля Владислава Ягайло и великого князя литовского Витовта в соборном движении в Европе – это достаточно интересный, но малоизученный факт. Одним из таких примечательных моментов является участие послов от Православной церкви на Констанцском соборе (1414–1418 годы). Тем более, что это было одно из первых масштабных предприятий по реализации уже давно намеченных планов церковно-политической унии с Западом. Рассмотрению обстоятельств, связанных с данным посольством во главе с митрополитом Григорием Цамблаком, и посвящен данный доклад.

Еще до возведения Григория Цамблака на митрополичью кафедру в 1415 году, главную роль в подготовке унии Западнорусской церкви с Римом играл король Владислав Ягайло. Окончание Западной схизмы, после избрания папы Мартина, сделало возможным возобновление переговоров об унии между Римом и Константинополем на более высоком и представительном уровне на Констанцском соборе (Бегунов, 1981: 57–60). Данное обстоятельство не осталось вне поле зрения Польского короля. Но посольство было отправлено только через четыре года после созыва Собора. По-видимому, этот период был заполнен спорами о том, на каких условиях духовенство согласилось бы участвовать в работе Констанцского собора (Thomson, 1998: 83–84).

1 января 1418 года в послании папе Мартину V (Codex epistolaris, 1891: 98 100), Ягайло сообщал, что оправляет на Констанцкий собор митрополита Григория. В частности он писал: *«Но мы [Ягайло и Витовт] не считали обращение вышеназванного народа [языческая Литва] достаточной для себя заслугой, если не позаботимся <...> вернуть и обширнейшие земли, по нашим повелениям подчиненные греческому обряду, в лоно святой Матери [Католической церкви] <...>. Вследствие этого сего мужа... а именно, Григория, архиерея или митрополита всей Руси и Восточной области, до такой степени побудили подобными аргументами и назидательными увещеваниями, что он... отправился к вашему святейшеству и вышеназванному Святому собору, дабы искренне изложить и предложить наилучшие средства и пути, посредством которых, он намеревается себя вместе со своими восстановить в единстве церкви <...>»* (Бегунов, 2005: 188–189).

Делегация от Великого Княжества Литовского прибыла в Констанц 19 февраля 1418 года (Яцимирский, 1904: 190–191), а торжественная аудиенция была назначена на 25 февраля, где и была оглашена латинская речь, известная нам лишь из записей дневника кардинала Гильома Филластре (Finke, 1889: 238–240).

В начале латинской речи Григория Цамблака (у исследователей иногда называется «Приветственной речью папе Мартину V») отмеча-

ется большое значение преодоления Великой схизмы, и подчеркивается, что «<...>схизма принесла нам [то есть православным!!!] и другим соседним народам большое расстройство умов, что до сих пор угнетает святую Римскую церковь<...>» (Бегунов, 2005: 181). Данный пассаж говорит о том, что речь была хорошо отредактирована и выдержана в духе церковно-светской дипломатии. Поскольку в ней также упоминается о желании заключения унии и византийским императором, очевидно, в вопросе унии митрополит Григорий Цамблак выступал с общих позиций с послами Византийской империи (Thomson, 1998: 83).

В речи пространно сообщается о желании заключения унии как среди иерархии, так и народа: «<...> с самым большим усердием мы желаем этой священной унии после того, как услышали слова о мире и спокойствии в святой божьей церкви<...>» (Бегунов, 2005:181), а также «<...> среди этих народов [русский] я нашел многих с таким же святым желанием этой священной церковной унии<...>» (Бегунов, 2005: 181).

Но, как и в славянской речи, которой мы коснемся чуть ниже, объединение видится Цамблаку никак иначе, как: «<...>по надлежащему почетному и обыкновенному праву, а именно через церковный собор, пусть каждая из двух сторон соберет опытных и знающих право людей, которые смогут спорить по вопросам веры<...>» (Бегунов, 2005: 183). То есть никаких эпохальных решений не предполагалось.

С другой стороны, интересна славянская речь «Григория архиепископа и всея Руси Слово похвальное, иже у Флорентии и у Константии собору галатом, италом и римляном и всем галатом», – всеми исследователями приписываемая Григорию Цамблаку, однако до XIX века не известная историографии. Впрочем, и сейчас нет ясного понимания о назначении данного источника.

Адресат «Слова» – это «отцы собора», в чем видится апелляция к «соборному разуму». Несомненно здесь то, что как представитель Православной церкви, он, по-видимому, и не предполагал, что «отцы» собора никакой судьбоносной роли, при уже избранном папе, не играют. Однако по своей ученой наивности он адресует похвальное слово именно им. Но, тем не менее, и в этом «Слове» находим вариант соборного решения «униальных» намерений. В частности: «<...> съ мноземъ прещением сънидем ся оубо, о господие и отци, и стяжем ся добрым истязанием и изъвопросим ся добрым и съ вопрошанием <...>» (Бегунов, 2005: 441), или «<...>Бог... да подвигнет обоя страны въ собрание<...>» (Бегунов, 2005: 441).

Тем не менее, как отмечает Б. Н. Флоря, созыв собора, о котором говорится как в латинской, так и славянской речи православного митрополита, поставил бы под сомнение авторитет папы как последней ин-

станции при рассмотрении спорных догматических вопросов (Флоря, 2007: 286). Более того, вся ситуация изменилась, так как, по-видимому, произошло примирение митрополита Григория Цамблака с Константинопольским патриархатом. Свидетельством тому может служить присутствие на православном богослужении в Констанце, которое возглавлял «неканонический» митрополит Григорий Цамблак, послов византийского императора (Флоря, 2007: 294). Х.-Д. Дьопман отмечает еще и то, что склонность к унии испытывали больше представители Византии, чем митрополит Григорий Цамблак – ученик патриарха Евфимия Тырновского, убежденного православного (Дьопман, 1984: 381). Тем не менее, на заключительных сессиях собора вопрос о заключении унии церковью даже не был включен в повестку дня. С другой стороны, и католические государи Европы не хотели ввязываться в борьбу с турецкими завоевателями (Бегунов, 1981: 62).

Подводя итог, можно сделать некоторые выводы:

1) Посольство митрополита Григория на собор было несомненным успехом дипломатии польского короля Владислава Ягайло и великого князя литовского Витовта;

2) Приведенные документы свидетельствуют о тщательной подготовке посольства и активном участии польского короля и великого князя в подготовке унии;

3) Видно, что, даже не смотря на активную конфессиональную политику светских властей, церковные власти отстаивали свою позицию без изменений и конформизма;

4) Несомненно также и то, что Григорий Цамблак отстаивал «православные» позиции на соборе, вопреки встречающимся до сих пор в историографии обвинениям митрополита в «униатстве».

Библиография

1. Бегунов, Ю. К. (1981). К вопросу о церковно-политических планах Григория Цамблака, *Советское славяноведение*, №3: 57–65.

2. Бегунов, Ю. К. (2005). *Творческое наследие Григория Цамблака*. Женева: Буй Туръ. 2005.

3. Дьопман, Х.-Д. (1984). Митрополит Григорий Цамблак и негово отношение към римската църква на Констанцкия събор, *Търновска книжовна школа*, 3: 379–384.

4. Флоря, Б. Н. (2007). *Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье*. М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия».

5. Яцимирский, А. И. (1904). *Григорий Цамблак. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности*. СПб.: Тип. Вайсберга и Гершунина.

6. *Codex epistolaris saeculi decimi quinti* (1891). Krakow: Nakładem Akademii umiejętności.

7. Finke, Heinrich (1889). *Forschungen und Quellen zur Geschichte des Konstanzer Konzils*. Paderborn: Drück und Verlag von Ferdinand Schöningh.

8. Thomson, F.J. (1998). Gregory Tsamblak the man and the myths, *Slavica Gandensia*. 25/2: 1–149.